

Фото: Julius_Silver / Pixabay

В поисках интересных материалов я наткнулась на статью про Вену, при этом обнаружилось, что она состоит из двух статей, объединенных в одну, и первая – авторства нашей Виктории Малышевой. Некая О. Буланова просто взяла эти материалы и подписала своей фамилией. Мы решили опубликовать статью в НВЖ, чтобы показать, что она написана именно Викторией Малышевой, а не кем-то другим.

Ирина Мучкина

ЗЕРКАЛА

антикварной столицы

ЕСЛИ БОЛЬШИНСТВО ГОРОДОВ ЕВРОПЫ МОЖНО ПРЕДСТАВИТЬ В ВИДЕ СОВРЕМЕННЫХ ЯРКИХ ЖУРНАЛОВ, ТО ВЕНА – ЭТО, СКОРЕЕ, АЛЬБОМ СО СТАРИННЫМИ ГРАВЮРАМИ

Город, игнорирующий будущее

Любой город обладает способностью накладывать отпечаток на своих обитателей – людей, кошек, собак, птиц, растения. Его жители

– как движущиеся зеркала, мутные или четкие, прямые, а чаще кривые. Они могут прятать свои отражения, затемнять и искажать их, но наблюдательный глаз непременно обнаружит нечто общее между цветниками и домами, в которых обитают горожане и их любимцы, парками, где они гуляют, тротуарами и

◀ *Глорьетта (навильон) в Шёнбрунне, где любили прогуливаться австрийские императоры и императрицы. Теперь здесь фланируют современные венцы, тоскуя по монархии.* Фото: Mike_68 / Pixabay

мостовыми, музеями, церквами, университетами, вокзалами и станциями метро. Город неизбежно подчиняет себе: начинаешь жить присущим ему темпом, повторяя линии и краски. Четкость его отражения в жителях прямо пропорциональна времени, здесь проведенному.

Достаточно прикоснуться к городской жизни на день, на несколько часов, чтобы в голосе появилась новая интонация, изменились походка и осанка, чтобы переодеться в другие цвета, чтобы возникла беспричинная веселость, подогреваемая раскаленными камнями и вином босоногого юга, или грусть, переданная строгими северными европейскими городами с их вечно морозящим холодным дождем.

Венцы отражают прошлое и настоящее неразборчиво. Вена живет в собственном времени, не переставая оглядываться на столетия своего былого могущества в бытность столицей империи Габсбургов. Жизнь все ускоряется, берет новые высоты, бьет прежние рекорды. Вена не участвует в состязаниях. Она покачивается в своем антикварном фиакре и со снисходительной улыбкой наблюдает, как наперегонки бегут за ней дети. Волосы ее седые, в складки тяжелого платья забились пыль былой славы когда-то великой империи. Под размеренный стук копыт она листает старый альбом с гравюрами, изображающими турецкие осады, сражения с прусскими войсками, балы,

▲ Дворец Шёнбрунн – резиденция австро-венгерских императоров. Один из самых ярких образов австрийского барокко (1742).

Фото: Usinglight / Pixabay

летние прогулки с музыкальной свитой по Бадену, брачные церемонии с роскошными шлейфами. Вена терпеливо и упрямо отводит стрелки часов назад и не позволяет им перешагнуть отметку 1918 года – года краха монархии и рождения чуждой Австрии республики. Современные технологии интере-

суют Вену гораздо меньше, чем почти истлевшие гравюры. Всё прогрессивное как-то сложно здесь приживается и нередко маскируется под минувшее. Новое будто признает, что там, до черты XX века, осталось нечто рукотворное, живое, по-настоящему ценное, не фальшивое, и оттого испытывает неловкость за современную угловатость и практичность. Оно поклоняется камням эпохи Австро-Венгрии, бережет штукатурку времен побед над османами и возносит на пьедестал погребенные фундаменты римлян.

▼ Часы Анкер.

Фото: Hans Hansen / pixabay

Покорность Старой Вены

Прошлое преобладает над настоящим, осознает свое превосходство, но новому не мешает. Вена миролюбива и не допускает вражды. Столетние здания покорно подставляют свои головы, и с них снимают черепичные шляпы, чтобы надеть пентхаусы из бетона и стекла. Но и в начиненное геометрией жилище хозяин неизменно тащит из антикварной лавки помутневшие фарфоровые статуэтки и потемневшие серебряные ложечки с отпечатками пальцев эрцгерцогов и эрцгерцогинь.

◀ Венский фиакр у фундаментов римского поселения.

Фото: domeckopol / Pixabay

▲ *Внутри Музея истории искусств. Фото: Steven Yu / Pixabay*

▲ *Музей современного искусства. Фото: Luki0712 / Pixabay*

В двух шагах от Музея истории искусств (KUNSTHISTORISCHES MUSEUM), в поле зрения плеяды именитых мастеров разместились современное искусство в павильонах со слишком высоким для него потолком. И это мудро. Ведь куда бежать от запаха клякс, кубов и многорукых тел, если не к Тициану (1477–1576), Ван Дейку (1599–1641), Дюреру (1471–1528), Рубенсу (1577–1640), Питеру Брейгелю-старшему (ок. 1525–1569), Рафаэлю (1483–1520) и прочим жильцам художественно-исторической коммуналки – порой приторным, но талантливым и искренним. Мудрая Вена поселила их рядом, она все знает и не противится.

До середины XIX века город теснился на клочке земли. В тугое кольцо из крепостных стен были зажаты дворцы и музыкальные залы, императорский двор, люди, нищета и ее спутница – грязь. Но вот городские укрепления разрушили, и столица, как вода из прорванной плотины, разлилась к виноградникам и Венскому лесу, перелилась через Дунай, потекла к термальным водам Бадена. Прежнюю Вену переименовали во Внутренний город, а новая Вена разрослась в районы и сверху стала похожа на веера и паутину. Город освободился от тесного корсета, но за свободу дышать заплатил своим именем и позволил паутинам и веерам называться собой. Двадцать три района – двадцать три лоскутка, вырезанные из разных книжек и журналов и подо-

гнанные друг к другу. Одни навевают тоску или вызывают неприязнь. Другие ходят в фаворитах – у них туфельки на меху и перышки на тирольских шапочках. Иные на холмах, покрытых виноградными лозами, ведут свое богемно-деревенское хозяйство и в свободное от мыслей и прогулок время производят молодое вино в количестве, достаточном, чтобы лоскутная Вена ежегодно попадала в короткий список самых благоприятных для жизни городов.

Что осталось Евгению Савойскому

В новой Вене соседствуют разные религии и разные лица. На месте прежних укрепленных стен турки ведут бойкий торг дешевой едой. Крышу киоска, под

которой раскатывает тесто покрытый трудовой испариной потомок Османской империи, вынужден обозревать каменный Евгений Савойский (PRINZ EUGEN VON SAVOYEN, 1663–1736) – полководец с площади Героев, гнавший турок с австрийских и венгерских земель три столетия назад. Думает ли он о тщетности своих военных походов? Раздувает ли ноздри вздыбленный под ним конь, когда ветер приносит запах пиццы и кебаба? Однако потомки тех, кто сражался под знаменами Евгения Савойского, кебабами не гнушаются и поглощают их в не меньшем количестве, чем японские суши или американские гамбургеры.

В новой Вене разрешены митинги, демонстрации, массовые марши под оглушительный барабан и с различными транспарантами. Не запрещены шествия и в малом составе: даже перебивают городские магистрали, чтобы промаршировали человек пять с требованиями, чуждыми транспортному потоку, вынужденному терпеливо ждать, когда уйдет комическая процессия. Ежегодные слеты сексуальных меньшинств происходят на глазах все того же Евгения Савойского, а также многодетного католика эрцгерцога Карла (ERZHERZOG CARL LUDWIG JOHANN JOSEPH LAURENTIUS VON ÖSTERREICH, 1771–1847). Самый длинный подземный переход отдан наркоманам и алкоголикам. В центре Вены, у

◀ *Памятник Евгению Савойскому на площади Героев. Фото: Bwag / Wikimedia*

▲ **Венская опера.** Фото: Michael Kleinsasser / Pixabay

▲ **Собор Св. Стефана – святыня Вены. Весь город поднялся для того, чтобы восстановить храм после пожара 1945 года.** Фото: Julius_Silver / Pixabay

порога храма музыки (здания Оперы), почитаемого, пожалуй, больше, чем собор Святого Стефана, кипит маргинальная жизнь. И стражи порядка присматривают за дурно пахнущими гражданами с включенными волосами столь же невозмутимо и с таким же человеколюбием во взгляде, словно регулируют движение маленьких пешеходов с портфелями у школ перед началом и после занятий.

Свободные облака

Парки дворянских городских усадеб мирятся с садами муниципальных построек. Обитатели старинных особняков занимаются наукой, сидят за столами в костюмах, философствуют или проводят время, коллекционируя сумочки с кричащими логотипами. Обитатели муниципального жилья продают им хлеб и пирожные, протирают пыль с их роялей и книжных полок. Те, кто уже в костюме, но еще без собственного стола, обитают в квартирах с видом на стену или темное окно соседа. Чем больше костюмов, тем выше по этажам карабкается их обладатель и тем ближе он к заветной цели – пентхаусу с террасой или хотя бы терраской с видом на мечту – парк особняков и виноградники.

Дома борются за место под солнцем, уплотняются там, где уже давно уплотнились, пристраивают к пристройкам и достраивают законченное, но упрямо

соблюдают земную высоту и не растут выше пяти-шести рядов прямоугольных глаз. Долговязых, скребущих небо зданий в Вене не больше, чем сорняков в австрийских садах.

На островках, разделяющих магистрали, устраивают площадки для игр в баскетбол, а дошкольников прогуливают во дворах, похожих на серые колодцы. Низкорослым домам тесно, как на канском пляже, но облака свободны. Чтобы видеть небо, к окнам, уже сто лет не знающим прикосновения солнечных лучей, их хозяева привешивают балконы или на крышах между трубами сооружают террасы. От соседей отгораживаются керамическими ящиками с фиалками, кадками с пальмами и дымом от мангалов. Прямые углы и ровные стены проигрыва-

ют кривизне, скошенным потолкам, винтовым лестницам, выступам, ступенькам, башенкам. Жить в кубах или параллелепипедах дешево, но венцам скучно. Жители австрийской столицы переплачивают за чердаки, за свой садик со столом, двумя стульями и кустом гортензии. Доплачивают за слуховые прямоугольные окошки с двумя крошечными двустворчатыми дверцами или круглые, как на подводной лодке. Зачем?.. Чтобы заглянуть в окно и увидеть, как ветер сдувает лепестки с цветущей вишни или капли дождя разбрызгивают на стекле радугу.

Новую Вену питает, держит и не дает разлететься прежняя Вена. И лишь обитателям петлистых улочек у виноградников – самого яркого лоскутка, обозначенного на карте номером девятнадцать, – до

Фото: andreas N / Pixabay

прежней Вены дела нет. Их питает колокольный звон уютных церквушек, разговоры за деревянными столами во дворах приземистых домов с расписными стенами и ставнями, домашняя колбаса, молодое вино и подступающий Венский лес. Болотца из эмигрантов прежняя Вена терпеливо подсушивает и, если и не возделывает из них прекрасный сад, то подготавливает почву, на которой, может быть, через не одно поколение обязательно вырастут венцы.

Тени прошлого

Внешней республиканской Вены всё больше на карте, но мало в реальности. Монархия без монарха – внутренняя, прежняя Вена – не сдвинулась с места, осталась верной своему клочку земли. Ее диагональ измеряется шагами за пятнадцать минут, но ее спираль – безмерна. Как из шляпы фокусника, из нее можно доставать бесконечные выцветшие ленты и связанные платки из рассыпающейся в руках парчи. Можно заблудиться в хоженных сотни раз улочках; можно идти на север, а выйти на востоке; стоит поменяться освещению или изменить угол зрения, как обнаруживаешь лавку украшений с дверным колокольчиком и завитой старухой с крючковатым носом, нанизывающей на нитку полудрагоценные бусины, там, где ни лавки, ни старухи никогда и не было...

Внешний город от внутреннего сейчас отделяют бегущие по часовой стрелке автомобили. На месте крепостных стен построили широкую улицу, символизирующую свободу перемещения людей и новых идей. Через разрушенную стену хлынули горожане, но тесную Вену не покинули ее духи. Они живут в церквах и подземельях, за окнами, завешенными тяжелыми шторами; перед Рождеством они пьют горячее вино на площадях, гуляют по улицам и смешиваются с венцами. И порой сложно различить, человек или материализовавшийся дух позвякивает в кафе ложечкой, размешивая сахар, или элегантно поправляет жемужные бусы.

▲ В современной Вене до сих пор тоскую по Австро-Венгрии, так что знаменитого двуглавого орла можно встретить на любой столичной улочке. Фото: Donar Reiskoffer / WikiMedia

Вероятность повстречаться с тенями прошлого здесь выше, чем шанс их миновать. На темных, кривых, заплесневелых и спутанных в клубок средневековых улочках поздним вечером или ранним утром являются призраки торговцев мясом и рыбой в нечистых фартуках, краснолицых, припудренных мукой пекарей, сжигающих на кострах запрещенные книги монахов-еретиков, сборщиков трупов с тележками, заполненными безжизненными жертвами чумы. У императорского дворца мелькают монокли и парики из эпохи расцвета музыки, балов, успеха «Волшебной флейты», заката музыкальной славы Сальери (ANTONIO SALIERI, 1750–1825). Духи охраняют прошлое прежней Вены, начищают скрипящий истертый паркет, подкрашивают трещинки на поблекшей позолоте, вытряхивают полинялый бархат и не выходят за кольцо бывших крепостных стен. Нет их в республиканской Вене, нет их ни в Бельведере, ни в Шёнбрунне. Бывает, поднимется дух в сумерках на самую высокую башню собора Святого Стефана, помянут его огни старинного колеса обозрения, послушается запрета и перелетит магическое

кольцо. Закачается на высоте вагончик с людьми, будто ветер подул, а это дух коснулся его крылом.

Как стать кариатидой

Есть города, построенные строго, как Копенгаген или Калининград, а есть Вена, вылепленная из куполов, пилястр, колонн, консолей, маскарон, фризов, кариатид, нотных ключей, бемелей и дизезов. Есть обитатели, отражающие штукатурку стен, а есть венцы, чьи отражения – многообразие форм и звуков. По столичным улочкам торопливо шагают взлохмаченные дизезы с отсутствующим взглядом; не спеша прогуливаются бемоли с поднятыми воротничками и подбородками; совершают моционы по дорогим магазинам надушенные увядшие кариатиды; пьют кофе маленькими глоточками покинувшие музеи и позолоченные рамы портреты в крупных жемчугах; консоли борются на аукционах за разошедшие стулья и изъеденные не одним поколением древесных жучков сундуки; за мраморными столиками фризы дымят и просматривают на деревянных рамках газеты – свежие, но уже пожелтевшие; маскароны ищут вдохновения на потолках кафе и неразборчивым нервным почерком, глотая холодный кофе, записывают в тетрадах с вырванными листами нашептанные Мельпоменой драмы. Вена подчиняет. И если ей не противиться, подчинение этому городу позволит стать куполом или хотя бы фризом, перевоплотиться в скрипичный ключ или хотя бы бемоль. Перенять ее привычки, полюбить по-настоящему музыку и с искренним интересом ходить на выставки. Переместиться во времена позолоты и пурпурного бархата. Как-то естественно, повинувшись общему настроению, влиться в темп адажио. Не торопиться – но успевать, не расталкивать – но быть впереди.

Виктория Малышева, г. Вена